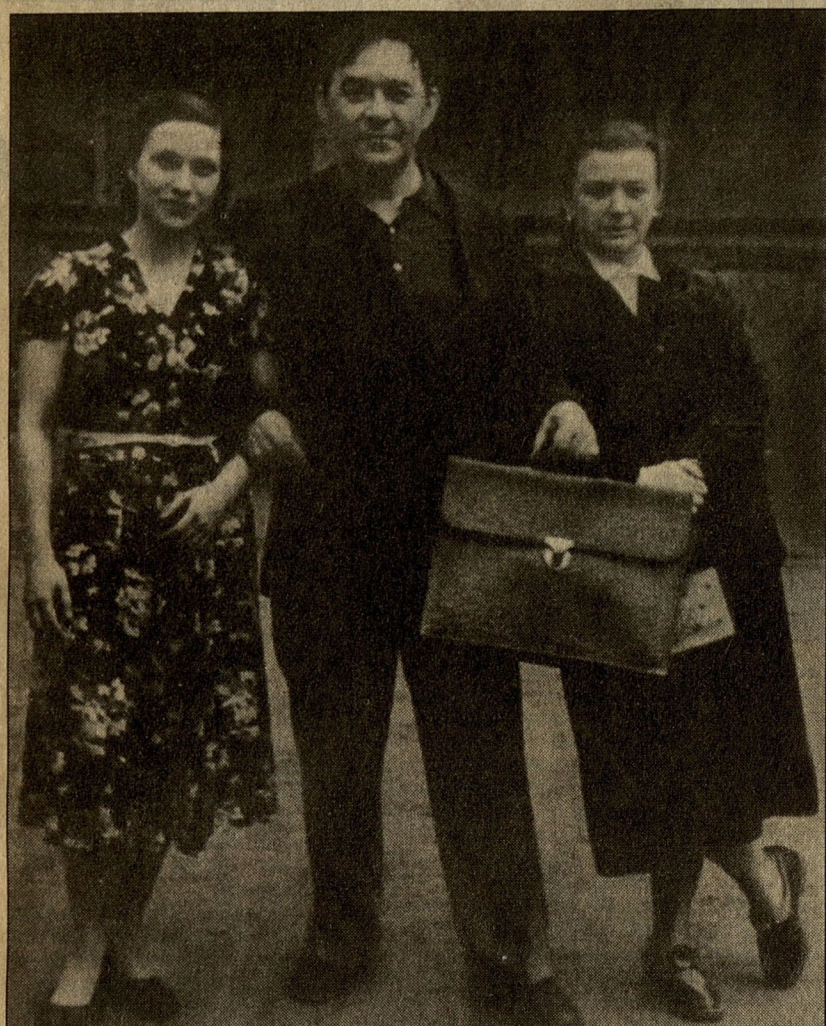

А.Ревельс, Л.Утесов и М.Миронова

АНТОНИНА РЕВЕЛЬС

Оркестр Утесова отправился на гастроли в Ленинград. И вот однажды, когда гастроль уже заканчивалась, я после концерта, как обычно, втихую жарил колбасы с картошкой на плитке в номере гостиницы «Астория». Вдруг — стук в дверь. Я в панике спрашиваю, кто там, боясь услышать голос горничной. А в ответ слышу:

— Это Утесов.

Я обомлела. Распахиваю дверь, а Утесов, без всякого вступления, с упреком говорит:

— Как же так, уже целый месяц мы работаем вместе, а вы где-то скрываетесь. Я только объявляю ваш номер, и через пять минут вас уже не вижу. И ничего о вас не знаю.

И без перехода спросил:

— А что это у вас так вкусно пахнет?

— Да это я контрабандой колбасы жарю.

— Тогда, с вашего позволения, я у вас остаюсь.

С этого вечера и до конца гастроль Леонид Осипович приходил к нам с мужем ужинать. Он, видимо, рассказал потом об этом жене, Елене Осиповне. Объяснил, что в ресторане ужин ждать приходится долго, а тут за дружеской беседой сидеть очень приятно, да и время не замечается. И когда мы собирались в следующие гастроли, Елена Осиповна, с которой нас Утесов познакомил, попросила меня не кормить его вечером плотно, потому что он полнеет, а давать ему только кефир. Я обещала. А сама подумала, как же мне ему об этом сказать?

И вот, когда настало время ужина, я предложила своему мужу:

— Давая я накормю тебе в туалете, а Утесову на стол поставлю кефир. Ты не обидишься?

Валентин, смеясь, согласился:

— Тут ведь такая идеальная чистота, — а дело происходило в ленинградской «Астории», — что можно устроить где угодно, лишь бы был ужин.

Вечером, как обычно, входит Утесов, видит на столе только бутылку кефира и застывает в удивлении. Я лепечу ему что-то о запрете Елены Осиповны, хотя понимаю, как это скучно после успеха, цветов, аплодисментов — всего лишь кефир. Но раз Елена Осиповна так считает...

— Ладно, — соглашается Леонид Осипович, — выпью кефир. Только пойду помою руки.

Я обмерла: ведь санузел совмещенный. А Утесов тем временем вошел в туалет, увидел, что на низенькой скамеечке перел ступенькой, накрытым белоснежной салфеткой, сидит Валентин и ест яичницу с сосисками.

— Ага! Вот, оказывается, где можно поесть нормально! — Возвращаясь в номер, берет стул и присоединяется к Валентину.

С тех пор, придя к нам после концерта, Утесов прежде всего заглядывал в туалет в поисках накрытого «стола».

УТЕСОВУ часто приходили молодые музыканты с надеждой быть принятыми в его оркестр. Отбирал он очень строго и по каким-то совершенно необыкновенным, значимым лишь для него признакам.

Однажды пришел скрипач, только что окончивший консерваторию. Леонид Осипович расспрашивал его о том, о сем, а потом вдруг задал такой вопрос:

— Вы храпите? Что вы хорошо играете, я не сомневаюсь, но не храпите ли вы?

— Какое это имеет значение?

— Огромное. Понимаете, я не могу всем музыкантам предоставлять отдельный номер, а в гостиницах всегда трудно с номерами. И если кто-то храпит, то, значит, два-три человека не выспятся. Представляете, какой у нас будет концерт на следующий день?

— Я храплю, — признался скрипач упавшим голосом.

— Тогда извините...

Другой молодой музыкант, выйдя на сцену, чтобы показать свое умение, прежде чем сесть на стул, постелил на него платок.

— Спасибо, — тут же сказал Утесов. — Все ясно.

— Что? Почему?

— Потому что, если, выйдя играть, вы думаете о стуле и костюме, а не о том, как сыграть, — мне все ясно.

ДНАЖДЫ после концерта в гостинице Утесов сидел на скамейке в тени и отдыхал. К нему подошла женщина.

Рассказала, что она партизанка и тут лечится после ранения. А потом встала и спрашивает:

— Леонид Осипович, а ваша дочь еврейка?

— Да.

— А жена?

— Тоже.

— А кто же сами будете?

— Я тоже буду еврей.

— Ой, ну шо вы на себе нахавриваете...

В ОДНАЖДЫ плыли из Сухуми в Сочи на пароходе, считая это краткосрочным отдыхом между гастролью. И вот к Утесову приходит грузин и приглашает его на банкет по случаю дня рождения академика Грузинской академии наук. Торжество это отменяется тут же, на пароходе. Отказаться неудобно и Утесов соглашается. Но что подарить? На пароходе достойного подарка не купишь. Тогда Леонид Осипович берет бутылку коньяка. Приходя на банкет, он ставит бутылку перед новобрачными. И вдруг присутствующие опускают глаза, замолкают и мрачают. Утесов в панике спрашивает:

— Что? Что я сделал не так?

— Вы принесли армянский коньяк.

АШ оркестр оказался в Ленинграде, как раз в то время, когда на Михаила Михайловича Зошенко обрушилась опала, друзья отворнулись от него. Едва войдя в гостиницу, не раздеваясь, Утесов стал звонить Зошенко.

— Миша, я в Ленинграде, сейчас же приходи, я жду тебя.

Зошенко был потрясен этим звонком. Звонки давно уже в его доме не раздавались.

— Да, я сейчас приеду, — радостно откликнулся он. — Как ты не побоялся?

— Я тебя всегда любил и буду любить. Всегда был твоим другом и буду им. Приходи.

— Я еду.

Услышав этот разговор, я попросила у Леонид Осиповича разрешения присутствовать при этой встрече.

Вошел Зошенко — бледный, худой, с какими-то запавшими, безумными глазами. И одет... Достаточно сказать, что на рукавах пиджака висела бахрама.

За обедом Михаил Михайлович рассказал, как даже на улице многие, встречая его, начинают рассматривать витрины и вывески.

— За что мне все это? Что я такого сделал? — с недоумением и обидой повторял он.

Утесов утешал его, как мог, и только говорил:

— Миша, перетерпи это мрачное время. Ты всегда был талантливым, и этого у тебя никто не может отнять.

А я, наблюдая эту сцену, шипала себя, чтобы не разреваться.

УТЕСОВ был страшно суеверный. Следовало несколько новых концертных костюмов, продолжал выступать в старом, который, как он считал, приносит ему удачу. И когда кто-то заметил, что в свете прожекторов блестя карманы, лишь тут он согласился надеть новый костюм. И

только прежний успех и в этом новом костюме примирил его с ним и успокоил.

Кстати, о костюмах.

Оркестр Утесова приехал на гастроли в Таллин, все бросилось шить себе костюмы. Город славился портными. Леонид Осипович решил сделать сразу два — серый и коричневый.

— Только, — сказал он портному, — мы через две недели уезжаем, успеете ли вы их шить?

— Леонид Осипович, — сказал портной, — мы ваших стохановских методов не знаем, завтра в одиннадцать часов костюмы будут готовы.

ОТДА Утесов сидел в такси, как правило, шофер, узнав пассажира, начинал гнуть машину и лихо рулить на поворотах, желая показать свое мастерство и отвагу. Леонид Осипович, который сам водил машину пятьдесят лет и имел даже почет

ную грамоту водителя, выдававшуюся только тем, кто не совершил ни одного нарушения, в таких случаях клал руку на руль и говорил:

— Пойдите, молодой человек, остановитесь. Я сам шофер и знаю, что такое скорость. Могу вам дать совет: когда вы садитесь

в такси, как правило, шофер, выдававший только тем, кто не совершил ни одного нарушения, в таких случаях клал руку на руль и говорил:

— Пойдите, молодой человек, остановитесь. Я сам шофер и знаю, что такое скорость. Могу вам дать совет: когда вы садитесь

в такси, как правило, шофер, выдававший только тем, кто не совершил ни одного нарушения, в таких случаях клал руку на руль и говорил:

— Пойдите, молодой человек, остановитесь. Я сам шофер и знаю, что такое скорость. Могу вам дать совет: когда вы садитесь

в такси, как правило, шофер, выдававший только тем, кто не совершил ни одного нарушения, в таких случаях клал руку на руль и говорил:

— Пойдите, молодой человек, остановитесь. Я сам шофер и знаю, что такое скорость. Могу вам дать совет: когда вы садитесь

в такси, как правило, шофер, выдававший только тем, кто не совершил ни одного нарушения, в таких случаях клал руку на руль и говорил:

— Пойдите, молодой человек, остановитесь. Я сам шофер и знаю, что такое скорость. Могу вам дать совет: когда вы садитесь

в такси, как правило, шофер, выдававший только тем, кто не совершил ни одного нарушения, в таких случаях клал руку на руль и говорил:

— Пойдите, молодой человек, остановитесь. Я сам шофер и знаю, что такое скорость. Могу вам дать совет: когда вы садитесь

в такси, как правило, шофер, выдававший только тем, кто не совершил ни одного нарушения, в таких случаях клал руку на руль и говорил:

— Пойдите, молодой человек, остановитесь. Я сам шофер и знаю, что такое скорость. Могу вам дать совет: когда вы садитесь

Из стихов Леонида Утесова

У зеркала

Проходит все, я это твердо знаю, —
И радости, и горести, как мимолетный сон.
Я в зеркало гляжу и наблюдаю
Неумолимый времени закон.
Он бороздит лицо, меняя очертанья,
Он серебрит виски порошей седины.
Сурово брови соединены,
Глаза уже не те, но те еще желанья.

Машина подана.
Водитель — баба —
злится.
В руках ее косяк.
Судьбы не изменить.
Нет, я не вызывал,
Но знал, она примчится
И скажет: «Я за вами,
Хватит жить».
А счетчик щелкает.
За восемь уж десятков
Нащелкал он,
А я все не иду.
«Ищи меня, шофер».

Давай сыграем в прятки.
Найдешь —
возьмешь,
А не найдешь —
поймешь,
Что мне здесь хорошо,
Что для меня
отрада
Петь песни для людей.
Живу я неспроста.
Ну погоди, шофер,
Не торопи, не надо.
Пусть счетчик щелкает
Еще хотя б до ста».

за руль, помните, что впереди у вас двадцать пять лет тюрьмы.

ТО было во время войны. Как-то к Леониду Осиповичу пришел Солон Михайлович Михозл. Он тогда только что вернулся из Америки.

И рассказал такую историю.

Был он в гостях у Альберта Эйнштейна. В то трудное время в США для экономии бензина на личных машинах разрешалось ездить только по делам. Но ни в театр, ни в кино, ни в гости, то есть для удовольствия, для развлечения, машину использовать было нельзя.

Специальные патрули проверяли водителей на дорогах. Поэтому, провоза Михозла, Эйнштейн его напутствовал: если остановят и спросят, куда и откуда он едет, то пусть отвечает так: «Я был у Эйнштейна, но никакого удовольствия от этого не получил».

Утесову это очень понравилось, и он долго этот рассказ вспоминал.

ЕЛО было зимой. Номер в гостинице был украшен флюсом, росшим в квадратной кадке. В Черновцах в каждом «люксе» был обязательный флюс и не менее обязательный портрет Ленина. Утесов сидел и ел яблоко. А когда осталось зернышко, он сунул его в землю рядом с флюсом и вдруг сказал:

— Хорошо бы вернуться, а на флюсе растут яблоки.

Я неопределенно подкакнула, а сама побежала на рынок, купила много крупных румяных яблок и, когда Утесов уехал на концерт, развесила их на ниточках на флюсе. Мы работали во втором отделении.

Вечером после концерта Леонид Осипович, войдя в номер, увидел усыпанный яблоками флюс и замер ошеломленный. Придя в себя, спросил:

— Что, здесь побывал Мичурин?

— Да, заходил, — ответила я невозмутимо, — передавал вам привет. — И мы оба рассмеялись, вспомнив анекдот о грузине, который, увидев на площади в Москве елку, увешанную игрушками, среди которых было много искусственных яблочных муляжей, сказал:

— Молодец Мичурин! Все так-ты.

РИЕХАЛИ в Москву Ив Монтан и Симона Синьоре.

ЦПРИ решил устроить их встречу с работниками искусств. Ветер поручил вести Утесову, поскольку он прекрасно говорил по-французски и, конечно, еще потому, что был остроумен и умел сделать нестандартное любое собрание. Как необыкновенно музыкальный человек, Леонид Осипович легко схватывал мелодию чужого языка. Французский он выучил в училище Файта в Одессе еще ребенком, а когда был во Франции в двадцатых годах, то там произношение его было доведено до совершенства. Я иногда просила его сказать что-нибудь по-французски и, восхищаясь, уверяла, что он говорит, как де Голль. Такое сравнение ему нравилось.

Но перед вечером в ЦПРИ Леонид Осипович очень волновался. Разговорной практики у него почти не было — говорить по-французски у нас тогда особенно не приходилось, и Утесов опасался, что не справится со вступительным словом.

Но, когда он вышел на сцену и произнес небольшую вступительную речь, Монтан, оценив французское произношение Утесова и владение языком, подбежал к нему и поцеловал.

— Это плата за страх, — тут же строгил Утесов, намекая на недавний промах у нас фильм «Плата за страх» с Ивом Монтаном в главной роли.

УТЕСОВ много размышлял о природе разных искусств и их воздействии на человека. Его очень знорило, что такое веселое, бодрящее и отнюдь не глупое искусство, как эстрада, не в чести у критиков.

— Ты подумай, — говорил он мне, — даст концерт филармонический певец — сейчас же положительная рецензия. Спойет оперный — хвалят, хотя, может быть, и не за что. После симфонического концерта — уж и не знаю, какие похвальные слова наговорит. А про эстраду — одни только поношения и ругань. И ведь что особенно удивительно — с удовольствием смотрят и с удовольствием ругают.

Главный редактор номера
Виталий ЯРОШЕВСКИЙ

Автор дизайн-макета
Аркадий ТРОЯНКА

Технический редактор
Наталья НЕМТЫРЕВА

Ответственный секретарь
Евгений СЕМЕНОВ

Художественный редактор
Владимир БАБИЧ

Зав. корректуры
Светлана КАРТАШЕВА

Газета зарегистрирована в Мининформпечати РФ 20 августа 1991 г. Регистрационный номер 1054.
© Общая газета. Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ОГ» обязательна.
Редакция оставляет за собой право не вступать в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Правовое обслуживание газеты осуществляет Адвокатское Бюро «Барщевский и партнеры».

Адрес редакции: 121151, Москва, Кутузовский пр., д. 22
Справки по телефону: 915-22-88; факс 915-51-71
Адрес для писем: 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 1

Наш подписной индекс: 32138

Отдел распространения
Людмила ЛИР
Тел.: 915-53-89

Отдел рекламы
Галина ИЛЬЧЕНКО
Тел.: 284-82-37. Факс: 284-82-86

Производственно-издательский отдел
Ирина СОВКОВА
Тел.: 915-75-81

Цена свободная

Вёрстка компьютерного центра «Общей газеты». Технический директор Дмитрий ЯМПОЛЬСКИЙ.
Вёрстка выполнена на оборудовании Apple Computer, поставленном фирмой СЕПТЕМ.
Отпечатано в типографии издательства «Пресса», 125865, ГСП, Москва-137, ул. Правды, 24.
Номер подписан в печать 15.3.95 г. Заказ 11180. Тираж 100000 экз.